

Годъ изданія восьмой.

СЕНТЯБРЬ.

№ 22.

1915.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВОТЪ И ЛѢТО ПРОШЛО!.. (стих.).
ДРАГОЦѢННЫЙ ПЛАЩЪ (сказка).
ОСЕНЬ (стих.).
ВЪ ЧУЖОЙ СЕМЬѢ. (Повѣсть).
РОЗОВОЙ КУСТИКЪ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

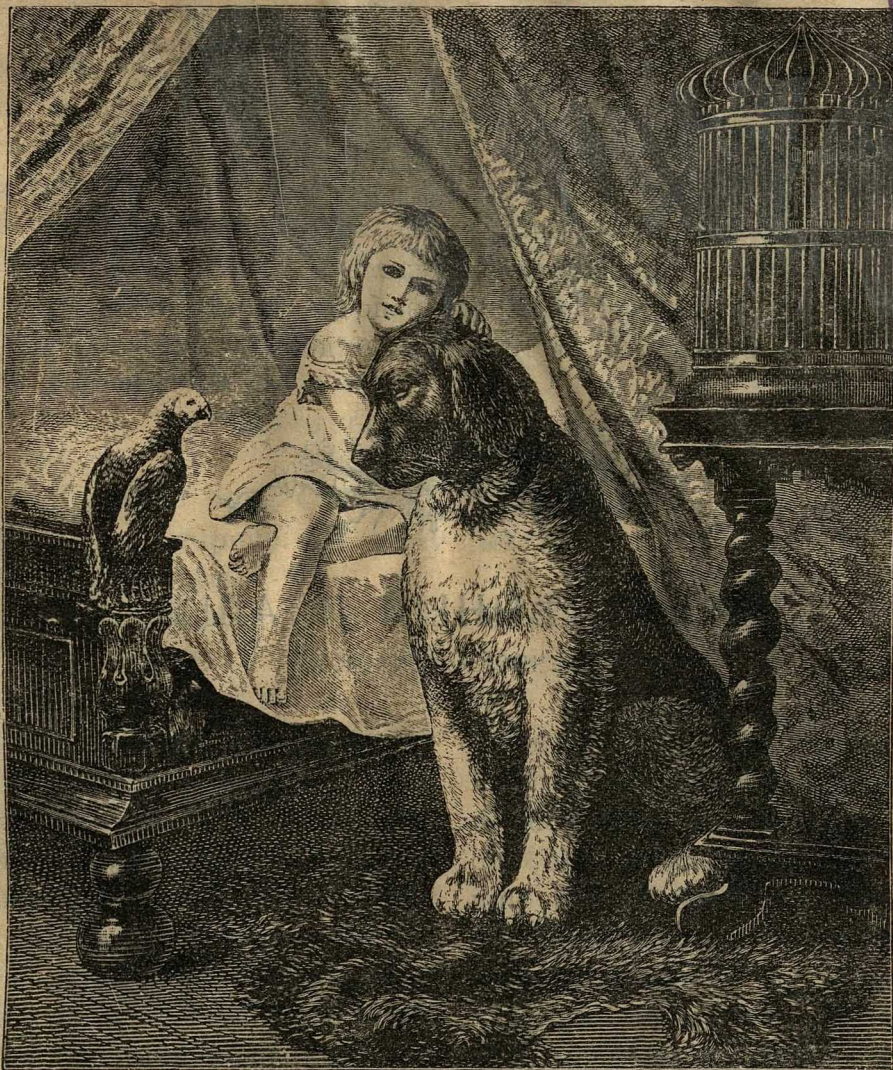
ПРИЛОЖЕНІЯ:

Херувимчики (картина).
Маякъ на морѣ—(для склеиванія).

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Доброе утро!

ВОТЬ И ЛѢТО ПРОШЛО.

Вотъ и лѣто прошло!.. Ужъ встрѣчаетъ земля
Дождь и осень... Цвѣты увядаютъ...
Порѣдѣли лѣса, опустѣли поля,
Низко тучи къ землѣ нависаютъ.

И закроютъ снѣга землю бѣлымъ ковромъ,
Загудятъ, забушуютъ метели
И застынетъ земля и забудется сномъ
Въ своей снѣжной, холодной постели.

Но минуетъ зима. Солнце ярко взоидетъ,
Пощелуями землю разбудить
И, проснувшись, земля запоетъ, зацвѣтетъ
И опять у насъ тепленько будетъ!

Ф. Черновъ.

ДРАГОЦѢННЫЙ ПЛАЩЪ.

ГРЕЧЕСКАЯ СКАЗКА.

Жиль-быль на свѣтѣ, когда-то уже давно, одинъ царь, который любилъ воевать съ сосѣдями и всегда ихъ побѣждалъ. Но его подданные не любили его. Они считали его войны разорительными и давно уже ожидали мира, а онъ съ своей стороны, привыкнувъ съ юности къ побѣдамъ, относился ко всѣмъ свысока и считалъ своихъ подданныхъ рабами. Поэтому всѣ его избѣгали, его окружали одни только льстецы, которымъ было выгодно расточать передъ нимъ похвалы, и только одинъ старый, вѣрный слуга Софроній, который носилъ его еще когда-то на рукахъ, осмѣливался говорить ему правду прямо въ глаза. Царь терпѣлъ его только изъ жалости, благодаря его старости и нищетѣ, и позволилъ ему доживать свой вѣкъ гдѣ-то въ каморкѣ, гдѣ ютилась дворцовая стража и валялся разный хламъ. Софроній былъ хромъ на лѣвую ногу и совершенно лысъ, одѣвался въ лохмотья и во всякую по-

году ходилъ босикомъ. Когда онъ шелъ по улицѣ безъ шапки, то его лысина такъ блестяла на солнцѣ, что мальчишки поднимали его на смѣхъ. Но онъ не обращалъ на нихъ вниманія: онъ вѣчно былъ занятъ своими думами, и часто потихоньку разговаривалъ самъ съ собой. Это былъ мудрецъ и когда онъ обращался къ кому-нибудь съ разговоромъ, то всѣ присутствовавшіе тотчасъ-же смолкали и внимательно вслушивались въ его слова.

Однажды онъ проходилъ мимо дворца въ тотъ самый моментъ, когда царь получилъ извѣстіе объ одержанной его войсками побѣдѣ и находился въ благодушномъ состояніи.

— Подойди ко мнѣ, Софроній! крикнулъ онъ старику.— Я хочу съ тобой поговорить.

Софроній подошелъ.

— Отчего ты ходишь въ такихъ лохмотьяхъ? обратился къ нему царь.— На тебя даже противно глядѣть!

— За то ты одѣваешься роскошно, отвѣтилъ старикъ.— Все то лишнее, безъ чего можно обойтись. Я обхожусь безъ дорогого костюма,—значитъ, онъ для меня лишній; а ты не можешь обойтись безъ роскоши и льстецовъ—значитъ, они для тебя необходимы. Все зависитъ отъ того, какъ кто смотритъ на вещи.

— Значитъ, ты презираешь богатство?

— Да... богатство и богатыхъ.

— И ты ни разу въ жизни не позавидовалъ моимъ славѣ и богатству?

— Наоборотъ, мнѣ всегда было тебя жалко.

— Но вѣдь долженъ-же ты наконецъ признать, что мои колесницы, отдѣланныя слоновою костью и бронзой, и вся эта моя обстановка—дѣйствительно прекрасны!

— Да, колесницы прекрасны и обстановка тоже, но ты самъ хуже ихъ.

— Почему-же?

— Потому, что не онѣ нуждаются въ тебѣ, а ты въ нихъ. Разъ ты не можешь безъ нихъ обойтись,—то это значитъ, что ты—ихъ рабъ.

Царь со смѣхомъ поднялся съ мѣста.

— Ну, хорошо, сказалъ онъ.— Подожди минутку. Сейчасъ я покажу тебѣ такую роскошную вещь, что ты придешь въ восторгъ и измѣнишь свое мнѣніе о богатствѣ. Ничего подобнаго ты не видѣлъ еще никогда... На этотъ разъ ты будешь пораженъ и удивленъ и самъ-же въ глубинѣ сердца позавидуешь мнѣ и назовешь меня счастливымъ.

— Что-же это такое? спросилъ старикъ, заинтересовавшись.

— Это роскошный плащъ, который я только вчера купилъ, отвѣтилъ съ восторгомъ царь.— Надъ нимъ работали двѣнадцать вышивальщицъ въ теченіи десяти

лѣтъ. Ты только погляди, какъ онъ весь расшитъ золотомъ и шелками, какъ искусно на немъ сдѣлана бахрома! Ты только оцѣни эту искусную художественную работу, какой не было еще нигдѣ и никогда! Я увѣренъ, что ты придешь сейчасъ въ восторгъ!

И онъ приказалъ дежурившему при немъ рабу принести этотъ знаменитый плащъ.

Вошелъ особый хранитель этого плаща и за нимъ два другихъ раба внесли сундукъ, въ которомъ была заперта эта драгоценность. Хранитель отвѣсилъ низкій поклонъ передъ своимъ властелиномъ.

— Долгая тебѣ жизнь, о, повелитель! сказалъ онъ. — Да умножатся твои богатства и слава! Пусть завидуютъ тебѣ всѣ! Плащъ, храненіе котораго ты довѣрилъ мнѣ, находится въ этомъ сундукѣ. Прикажешь его оттуда вынуть?

— Да, вынь и покажи... отвѣтилъ царь.

Съ утонченными манерами царедворецъ отперъ сундукъ и досталъ изъ него плащъ.

Царь принялъ его, бережно развернулъ и показалъ Софронію.

— Смотри! сказалъ онъ. — Что ты, на это скажешь?

Плащъ дѣйствительно былъ верхомъ совершенства. Это было что-то необыкновенное и изумительное по работѣ. Замысловатыя вышивки, цѣлый дождь блестокъ,

яркія звѣзды на темномъ фонѣ и роскошная бахрома изъ нитей чистаго золота могли привести въ восторгъ даже самаго строгаго и придирчиваго зрителя. Царь былъ правъ: до сихъ поръ во всемъ мірѣ не появлялось еще ничего болѣе великолѣпнаго и болѣе поразительнаго по мелкости и искусству работы. Казалось страннымъ, какъ это человѣческіе глаза могли видѣть такіе мелкіе стежки вышивокъ и какъ это женскія руки могли создать такое совершеннѣйшее и такое красивое произведеніе.

Царь повѣсилъ плащъ на спинку кресла, отошелъ къ сторонкѣ и сталъ издали имъ любоваться.

— Сами богини не носили никогда ничего подобнаго, сказалъ онъ съ самодовольной улыбкой. — Ну, старикъ, что ты скажешь теперь? Какъ ты находишь этотъ плащъ?

Софроній опустилъ глаза и не сразу отвѣтилъ.

— Ну, ну! Не бойся! продолжалъ царь. — Говори прямо!

— Этотъ плащъ мнѣ кажется смѣшнымъ, отвѣтилъ старикъ.

— Но признайся, что ты желалъ-бы его имѣть!

— А что мнѣ съ нимъ дѣлать? Въ дождикъ—онъ на мнѣ можетъ полинять, а въ жаркую погоду—выгорѣть отъ солнца. Онъ меня только стѣснитъ. Нѣтъ, мои лохмотья лучше! Къ тому-же этотъ плащъ очень длиненъ и сталь-бы путаться у меня въ ногахъ...

— Онъ не линяетъ и не выгораетъ! возразилъ царь.— Онъ сдѣланъ изъ самаго прочнаго и дорогого матеріала!

— Тѣмъ хуже! Если-бы онъ былъ мой, то мнѣ стали-бы всё завидовать, а жулики покушались-бы его украсть. А я не люблю, когда мнѣ завидуютъ, и боюсь воровъ!

— Значить, по твоему, и я долженъ бояться постоянно завистниковъ и воровъ?

— Конечно. Чѣмъ человекъ счастливѣе и богаче, тѣмъ этой людской дряни у него больше.

— Поэтому и я долженъ ходить въ такихъ-же лохмотьяхъ, какъ и ты?

— А почему-бы и нѣтъ?

— Какой ты дуракъ! Дожилъ до старости, считаешься мудрецомъ, а ума въ твоей лысой головѣ ни на грошъ. Да знаешь-ли ты, какое счастье, когда надѣнешь такой плащъ, какъ этотъ, и пройдемься по улицамъ—и всё тарачатъ отъ удивленія на тебя глаза? Понимаешь-ли ты наконецъ, что значить возбуждать собою удивленіе въ толпѣ? Вѣдь это такое счастье!

— Бываютъ минуты, когда человекъ чувствуетъ себя болѣе счастливымъ отъ того, что его вовсе никто не замѣчаетъ...

Философъ хотѣлъ сказать что-то еще, но царь уже его больше не слушалъ. Онъ взялъ съ кресла свой плащъ, бережно сложилъ его и передалъ его хранителю.

— Не запирай его больше въ сундукъ, сказалъ онъ.—Я буду носить его постоянно. Онъ будетъ доказательствомъ моихъ богатства и власти...

И, сдѣлавъ величественный жестъ рукой, онъ обратился къ Софронію:

— Можешь убираться! сказалъ онъ.—Выйди вонъ!

Старикъ улыбнулся и покорно отправился къ себѣ въ каморку.

Прошелъ мѣсяць и многое изменилось за это время въ жизни счастливаго царя. Судьба повернулась къ нему спиной и неудачи послѣдовали для него одна за другой. Народы, съ которыми онъ велъ войну съ каждымъ отдѣльно, теперь заключили между собою союзъ и пошли противъ него соединенными силами. Царь не успѣлъ и оглянуться, какъ союзныя войска разбили его войско и подошли къ самымъ стѣнамъ его столицы. Городъ былъ обложенъ ими со всѣхъ сторонъ.

Но царь былъ такъ увѣренъ въ своемъ счастьѣ, что и не обращалъ на это вниманія.

— Постоять и уйдуть! сказалъ онъ съ насмѣшкой своимъ царедворцамъ.—Еще не было на свѣтѣ народа, который могъ-бы меня побѣдить!

Но онъ глубоко ошибался. Онъ безопасно ужиналъ у себя во дворцѣ, окруженный своими льстецами, когда въ полночь врагамъ удалось наконецъ проломать стѣ-

ну и ринуться въ городъ. Живой волной чужеземные, озвѣрѣвшіе солдаты вдругъ кинулись во дворецъ, перебили стражу и рабовъ и ворвались въ залу. Немногимъ изъ царедворцевъ удалось спастись. Покинутый всѣми, царь остался одинъ. Да онъ и не думалъ сопротивляться. Въ самомъ дѣлѣ, куда-бы онъ могъ скрыться незамѣченнымъ? На немъ былъ его драгоцѣнный плащъ. По этой одеждѣ враги узнали въ немъ царя и погнались за нимъ. Онъ выбѣжалъ въ сосѣднюю комнату, изъ нея сбѣжалъ по лѣстницѣ внизъ и, не помня себя отъ страха, долго мчался по узкимъ коридорамъ дворца. Наконецъ онъ попалъ въ какую-то темную, сырую каморку и притаилъ въ ней дыханіе. Враги все еще слѣдовали за нимъ по пятамъ.

— О, этотъ проклятый плащъ!.. проговорилъ онъ съ отчаяніемъ.— Неужели ты будешь причиной моей смерти?

Враги уже приближались. Уже слышенъ былъ лязгъ ихъ оружія и ихъ голоса.

— Погибъ!.. простоналъ царь.— Теперь ужъ мнѣ не спастись!...

— Нѣтъ, нѣтъ!.. послышался вдругъ голосъ изъ темнаго угла.— Ты останешься въ живыхъ! Ты еще будешь жить!

Царь обернулся и увидалъ Сафронія. Старикъ спокойно лежалъ у себя на соломѣ и не боялся ничего.

— Ты останешься жить, продолжалъ Сафроній.— Послушайся только моего совѣта!

Царь обрадовался, увидѣвъ старика. Это былъ послѣдній чловекъ въ дворцѣ, который еще оставался ему вѣрнымъ.

— Говори! воскликнулъ онъ.— Я послѣдую твоему совѣту! Что же я долженъ сдѣлать?

— Сбрось съ себя этотъ плащъ, отвѣтилъ старикъ.

— Хорошо, я сбросилъ его. Что же дѣлать еще?

— Надѣнь мои лохмотья и смѣло выходи изъ дворца. Никто не подумаетъ, что ты царь!

И старикъ протянулъ къ нему свои лохмотья.

Какими прекрасными они показались теперь царю! Съ какимъ восторгомъ онъ схватилъ ихъ у старика и надѣлъ ихъ на себя! Какимъ спасительнымъ средствомъ показалась ему теперь нищета, которую онъ такъ презиралъ, и какимъ жалкимъ, ничтожнымъ и ненужнымъ сталъ казаться ему этотъ плащъ, которымъ онъ такъ гордился какихъ-нибудь двадцать минутъ тому назадъ.

Въ лохмотьяхъ онъ сталъ совершенно неузнаваемъ. Онъ вышелъ изъ каморки и, стараясь быть спокойнымъ, чтобы не возбудить подозрѣнія, медленно прошелъ мимо догонявшихъ его солдатъ. Они не узнали его и побѣжали далѣе. Царь облегченно вздох-

нулъ и вышелъ въ обширные, тѣнистые дворцовые сады, гдѣ его не могъ уже схватить никто. Изъ садовъ онъ пробрался къ морю, сѣлъ на корабль и съ уцѣлѣвшей горстью своихъ матросовъ отчалилъ отъ берега.

Онъ былъ спасенъ.

Прошло еще два мѣсяца; осада столицы была снята, непріатели были побѣждены, и царь снова возвратился къ себѣ во дворецъ.

Онъ шелъ впереди своихъ солдатъ босикомъ и въ скромной одеждѣ простого крестьянина и никто не догадывался о причинѣ

такой перемѣны. Его роскошный дворецъ скоро былъ превращенъ въ благотворительное учрежденіе, царь поселился въ небольшомъ домикѣ и приблизилъ къ себѣ Софронія. Всю свою остальную жизнь онъ посвятилъ на благо своихъ подданныхъ, уже не держалъ около себя льстецовъ и не устраивалъ пышныхъ праздниковъ. И когда ему задавали вопросъ, почему именно онъ такъ поступалъ, то онъ всегда отвѣчалъ одною и тою же фразой:—

— Все то лишнее, безъ чего можно обойтись.

И. Д.

О С Е Н Ъ.

Уже желтѣютъ листья понемногу,
И вѣтерка случайнаго порывъ,
Срывая ихъ, относить на дорогу
И на пустыню сжатыхъ нивъ.

Хоть иногда и солнце жаромъ пышетъ,
Но стало ужъ замѣтно холоднѣй,
Уже въ лѣсу притихшемъ грустью дышетъ
И птицъ уже не слышно средь вѣтвей.

Слѣдя полетъ ихъ въ край обѣтованный
Въ страну тепла и пышной красоты,
Я вспомню съ грустью май благоуханный
И птицъ прилетъ, и солнце, и цвѣты.

Ф. Черновъ.

Пріятели.

О с е н ь .

ВЪ ЧУЖОЙ СЕМЬѢ.

ПОВѢСТЬ.
(Продолженіе).

Двѣнадцатаго Іюля,
въ день рожденія Ма-
руси, въ большой залѣ

Бочановскаго дома было оживле-
ніе. Всѣ пятеро дѣтей, Ника, Боря,
Надя, Соня, Кирочка и сама ви-
новница торжества Маруся висли
на окошкахъ, смотрѣли на ворота
въ сторону станціи желѣзной до-
роги и поджидали Ивана Яковле-
вича, который долженъ былъ приѣ-
хать съ первымъ поѣздомъ. За
нимъ уже давно послали лошадей,
до станціи было девять верстъ,
слѣдовательно, съ минуты на ма-
нуту его можно было ожидать въ
усадебѣ и выбѣжать всей гурьбой
къ нему навстрѣчу.

— Какая скука! сказалъ вдругъ
Ника.—Я совершенно не понимаю,
зачѣмъ мы ожидаемъ дядю-Ваню
именно здѣсь?

— Но вѣдь мы отсюда скорѣе
замѣтимъ, отвѣтилъ Боря, — какъ
онъ покажется изъ-за лѣса!

— Вотъ если-бы можно было
выйти къ нему навстрѣчу верстъ
за пять!.. воскликнула Надя. — Это
было-бы много веселѣ!

— Такъ тебя и отпустила-бы
Евгенія Александровна!.. возра-
зиль Коля.

Евгенія Александровна была гу-
вернантка, которую Антонина
Яковлевна привезла съ собою изъ
Москвы. Она была французенка,
но отлично знала русскій языкъ.
Окончивъ курсъ въ институтѣ въ
Парижѣ, она вышла замужъ, но
скоро лишилась мужа и должна
была сразу-же искать себѣ мѣсто.
Кто-то посовѣтывалъ ей ѣхать въ
Россію, она приѣхала въ Москву
и поступила къ Антонинѣ Яков-
левнѣ, чтобы готовить Нику, Бо-
рю и Надю въ гимназію. Уча ихъ,
она и сама училась около нихъ
русскому языку и скоро стала го-
ворить на немъ, какъ природная
русская, что такъ рѣдко бываетъ
въ иностранкахъ. Это была пре-
восходная, милая женщина и всѣ
въ домѣ полюбили ее, какъ род-
ную. Она и сама скоро привяза-

лась къ дѣтямъ и въ ихъ обществѣ не чувствовала себя на чужбинѣ. Она учила дѣтей, ходила съ ними гулять, завѣдывала всѣмъ домомъ, распоряжалась относительно завтрака и обѣда и вообще была полной хозяйкой дома. На ней лежало все хозяйство, она очень утомлялась за день, но ни однимъ намекомъ не показывала своего утомленія. Ея звонкій, веселый смѣхъ раздавался по всѣмъ комнатамъ квартиры и часто, играя съ дѣтьми въ прятки или въ пятнашки, она, какъ вихрь, носилась съ ними изъ комнаты въ комнату, такъ что во всѣ стороны изъ ея пышныхъ волосъ разлетались гребенки и шпильки.

— Ну, наша милая Евгенія Александровна сегодня и сама, какъ ребенокъ, говорила о ней Антонина Яковлевна.—Любить съ дѣтьми побѣгать!

Но и въ жизни Евгеніи Александровны или, какъ ее прозвали дѣти, тети-Жени, было что-то такое, что заставило ее въ свое время много перестрадать. Она очень охотно рассказывала дѣтямъ про Парижъ, про Францію, про тѣ мѣста, гдѣ она бывала и что видѣла, но былъ одинъ моментъ въ ея жизни, котораго она никакъ не могла вспомнить. Точно изъ книги ея памяти былъ вырванъ одинъ листъ изъ середины и, не окончивъ одного, ея память перескакивала на другое. Она помнила, что когда-то съ нею про-

изошелъ какой-то случай, но какой именно это былъ случай и когда именно онъ произошелъ, она такъ и не могла припомнить. И какъ ни добивались отъ нея Антонина Яковлевна и дѣти, чтобы она вспомнила, такъ они и не добились отъ нея ничего. Они смѣялись надъ ней, вышучивали ее, но она не обижалась, такъ какъ это было смѣшно и для нея самой.

— Вотъ не могу вспомнить, и не могу! говорила она.—Знаю, что со мною что-то когда то произошло, а что именно—и вспомнить не могу.

И, залившись звонкимъ смѣхомъ, она вмѣстѣ съ дѣтьми принималась играть въ палочку-воровочку или въ пятнашки и бѣгала съ ними по всѣмъ комнатамъ.

Ей было 28 лѣтъ, но ихъ никто ей не давалъ. Глядя на нее, можно было подумать, что она—старшая сестра тѣхъ дѣтей, учить которыхъ была приглашена.

— Она очень милый человекъ, говорила о ней своимъ знакомымъ Антонина Яковлевна.—Я люблю ее, какъ родную дочь. Она совершенно одинока на всемъ бѣломъ свѣтѣ и мнѣ такъ-бы хотѣлось, чтобы она счастливо вышла замужъ...

Когда жили въ городѣ, то каждый вечеръ, когда дѣти укладывались спать, раздавался звонокъ и приходилъ Иванъ Яковлевичъ. Онъ всегда привозилъ съ собою

прекрасную віолончель, на которой игралъ, какъ настоящій музыкантъ. Поздоровавшись со всѣми, онъ шелъ прямо къ роялю, Евгенія Александровна раскрывала ноты и они начинали вмѣстѣ играть. Это были очень пріятные вечера. На дворѣ стояла грустная, хмурая осень, капли дождя барабанили по стекламъ и дулъ рѣзкій вѣтеръ, а Иванъ Яковлевичъ и Евгенія Александровна сидѣли у рояля и при свѣтѣ двухъ свѣчекъ разыгрывали дуэты.

Затѣмъ, когда они сыгрывали все, дядя - Ваня укладывалъ свою віолончель въ футляръ, заботливо укутывалъ ее стеганнымъ одѣяльцемъ, закинулъ и уѣзжалъ къ себѣ домой.

И часто, проснувшись, дѣти приподнимались на своихъ кроваткахъ и долго прислушивались къ ихъ игрѣ. Простая, нѣжная музыка дяди - Вани была для нихъ очень понятна и имъ всякій разъ казалось, что они не въ дѣтской, не въ постелькахъ, а гдѣ-то далеко, въ волшебномъ царствѣ, гдѣ невидимыя феи поютъ своими сладкозвучными голосами трогаящія за душу пѣсни. Они чувствовали, какъ звуки віолончели тонкой струйкой вливались имъ прямо въ сердечки и ихъ некрасивый дядя Ваня начиналъ казаться имъ красавцемъ и великаномъ, какъ тѣ заколдованные принцы, о которыхъ они читали въ сказкахъ.

— Боженька, молились они, —

пошли дядѣ - Ванѣ добрую волшебницу, чтобы она сдѣлала его красивымъ!

Нѣсколько времени спустя, Иванъ Яковлевичъ сильно захворалъ и пересталъ бывать у своей сестры. Дѣти уже не встрѣчали его шумными восклицаніями и, просыпаясь среди ночи, уже не слышали больше звуковъ его віолончели. Они стали безъ него скучать. Какъ осеннія мухи, они скучно бродили по комнатамъ и не знали, куда себя дѣвать.

— Отчего до сихъ поръ нѣтъ дяди - Вани? уныло спрашивали они. — Гдѣ дядя - Ваня? Намъ скучно безъ него!

Потомъ наступила весна, и стали искать по газетнымъ объявленіямъ дачу. Когда дача въ Бочановѣ нашлась, то цѣлые дни мама и Евгенія Александровна стали проводить за швейной машиной: шутка-ли обшить всѣхъ четверыхъ ребятъ! Шили и на себя, и даже на прислугу.

Затѣмъ всѣ отправились въ Бочаново и поселились тамъ въ громадномъ барскомъ старинномъ домѣ. Жизнь потекла для дѣтишекъ счастливо и бодро. Снова стали бѣгать, рѣзвиться, носиться по комнатамъ, тетя - Женя тоже бѣгала съ ними, какъ и прежде въ Москвѣ, и ея веселый смѣхъ тоже сталъ оглашать собою высокія, величественныя комнаты стариннаго дома.

— Она еще ни разу не соби-

рала грибовъ, говорила о ней Антонина Яковлевна. Воображаю, какъ ей понравится ходить по лѣсамъ и собирать грибы! Вѣдь этого удовольствія во всей Европѣ нѣтъ!

На дачѣ тетя-Женя опять взяла на себя все хозяйство. Съ раннего утра и до позднего вечера ее можно было видѣть въ черномъ передникѣ то въ кухнѣ, то въ дѣтской, то у чайнаго стола. При этомъ она урывала время, чтобы поучить дѣтей языкамъ, побѣгать съ ними, погулять, рассказать имъ интересныя сказки. И все это она дѣлала съ большой охотой, безъ малѣйшей тѣни неудовольствія, точно хотѣла забыться во всей этой массѣ работы или-же точно это составляло для нея потребность.

Итакъ, дѣти виси 12-го Юля на окнахъ залы, смотрѣли на лѣсъ и ожидали, когда появится изъ-за него экипажъ и они увидятъ на немъ своего любимца дядю - Ваню. Нетерпѣнію ихъ не было границъ.

— А хорошій у насъ дядя — Ваня! воскликнула вдругъ Кирочка.— Жаль только, что онъ некрасивый и что у него сзади горбъ. Ну, да это ничего! За то онъ намъ часто привозитъ гостинцы!

— Это у него не горбъ, отвѣтила Соня,— а такъ... Спина такая...

— Ну, какъ-же не горбъ? возразилъ Ника.— Конечно, горбъ! Онъ вотъ этакъ держитъ плечи и голову и такъ вотъ ходитъ...

Ника представилъ дядю - Ваню и прошелся по залѣ такъ, какъ онъ.

— За то онъ такой добрый, такой добрый, закричали всѣ дѣти разомъ,— что добрѣе его нѣтъ никого на свѣтѣ! Онъ всѣхъ насъ любитъ!

— И рассказываетъ намъ интересные исторіи, добавила Кирочка.— Помните, какъ онъ намъ въ Москвѣ рассказалъ разъ такую исторію, что я даже плакала?..

— Ну ты постоянная плакса! сказалъ Боря.— Покажи тебѣ палець, такъ ты и заревешь.

И, потерявъ наконецъ терпѣніе, онъ заявилъ:

— Я еще пять минутъ подожду и болѣе не стану. У меня не хватаетъ болѣе никакихъ человѣческихъ силъ. Я побѣгу къ дядѣ навстрѣчу за ворота!

— И мы тоже! И мы тоже! посыпались со всѣхъ сторонъ голоса.— Мы тоже всѣ побѣжимъ вмѣстѣ съ тобой!

Но они тотчасъ-же вспомнили, что на этотъ разъ имъ было запрещено выбѣгать за ворота, и усѣлись на подоконники и стали глядѣть въ лѣсъ. Какъ и большинство дѣтей, они попрежнему трещали, какъ сороки, и не умолкали ни на одну минуту.

— Нѣтъ, сказалъ, Коля,— какъ хотите, а я больше не могу!— Сидите здѣсь сами, если хотите, а я пойду въ садъ! Тамъ веселѣй!

И въ твердой рѣшимости онъ

направился къ двери. Всѣ дѣти послѣдовали за нимъ. И въ самый тотъ моментъ, когда, потерявъ терпѣніе дожидаться дядю, они вышли въ садъ и только что принялись за игру въ крокетъ,—вдруг раздался стукъ колесъ и послышались бубенчики.

— Это онъ! Это онъ! закричали дѣти.—Дядя ѣдетъ! Дядя!

И съ радостнымъ визгомъ они бросились къ нему навстрѣчу.

Невысокаго роста, сутулый, лѣтъ тридцати-пяти, дядя-Ваня не представлялъ собою ничего ни смѣшного, ни отталкивающаго, а напротивъ, глаза его свѣтились такою безграничною добротой, что невольно располагали къ нему всякаго, кто видѣлъ его въ первый разъ. Лицо его свѣтилось благородствомъ и ласковая, мягкая улыбка, почти никогда не сходявшая съ его губъ, говорили объ его добротѣ и нѣжной, любвеобильной душѣ.

Иванъ Яковлевичъ выскочилъ изъ экипажа и, протянувъ руки впередъ, съ радостью подбѣжалъ къ дѣтямъ, и сталъ ихъ обнимать.

— Ну, здравствуйте, здравствуйте, ребятки! заговорилъ онъ.— Вотъ и я наконецъ! Какъ поживаете? Все-ли у васъ благополучно? У всѣхъ-ли изъ васъ цѣлы носы и головы? Не принималъ-ли кто-нибудь изъ васъ касторку?

Дѣти визжали отъ радости и въ свою очередь висли на любимомъ дядѣ.

Онъ поднялся по лѣстницѣ на-

верхъ, поздоровался съ большими, умылся съ дороги и вышелъ наконецъ въ большую залу, гдѣ его уже ожидали въ нетерпѣннн дѣти, которыя и окружили его со всѣхъ сторонъ. Онъ растегнулъ скертукъ и изъ глубины его кармановъ сталъ доставать подароки за подаркомъ и раздавать ихъ дѣтямъ. Трудно представить себѣ тѣ восклицанія, крики, и визги, которыми сопровождалась раздача. Иванъ Яковлевичъ выкликалъ имена и подавалъ то, чего каждый такъ сильно желалъ, точно дядя былъ добрымъ волшебникомъ, которому было извѣстно все и который умѣлъ читать въ сердцахъ у дѣтей. И видя, какъ мальчики и дѣвочки одинъ за другимъ получали то, чего хотѣли, Маруся стояла поодаль и думала:—

— „Неужели дядя-Ваня ничего не привезъ и для меня?“.

Какъ вдругъ онъ крикнулъ:

— Маруся!

Она подошла поближе и бросила на него радостный взоръ изъ-за спинъ старшихъ мальчиковъ.

— Маруся! повторилъ дядя-Ваня.—Гдѣ-жъ ты? Куда ты прячешься?

Она выскочила изъ засады и протянула къ нему руки.

— Ну, вотъ наконецъ и ты... ласково обратился онъ къ ней.— Поздравляю тебя! Желаю тебѣ расти большой и быть счастливой. Сегодня тебѣ исполнилось девять лѣтъ!

И онъ обнялъ ее и поцѣловалъ ее въ глаза и въ обѣ щеки. А затѣмъ онъ полѣзъ къ себѣ въ карманъ, досталъ оттуда коробочку и вытащилъ изъ нея крестикъ на золотой цѣпочкѣ.

— Я не зналъ, что именно можетъ доставить тебѣ удовольствіе, и вотъ привезъ тебѣ этотъ крестикъ твоей мамы... Теперь ты, уже можешь быть серьезной и понимать и, вѣроятно, оцѣнишь, что значить вещь, которая принадлежала когда-то твоей мамѣ. Хочешь имѣть этотъ крестикъ?

У нея отъ радости что-то задрожало въ груди.

— Хочу... Мерси... еле имѣла она силъ отъ волненія произнести.

Онъ надѣлъ ей крестикъ на шею. Она схватила его, вспыхнула и стала быстро и лихорадочно его цѣловать.

— Мама!.. Мама!.. повторяла она. — Милая, дорогая, родная мама!..

Иванъ Яковлевичъ взялъ ее тихонько за плечи и отвелъ къ окну. Онъ уже больше не смѣялся и теперь смотрѣлъ на нее уже серьезными, печальными глазами. Она перестала цѣловать крестикъ и, точно ей было неловко, прижалась лицомъ къ груди дяди Вани.

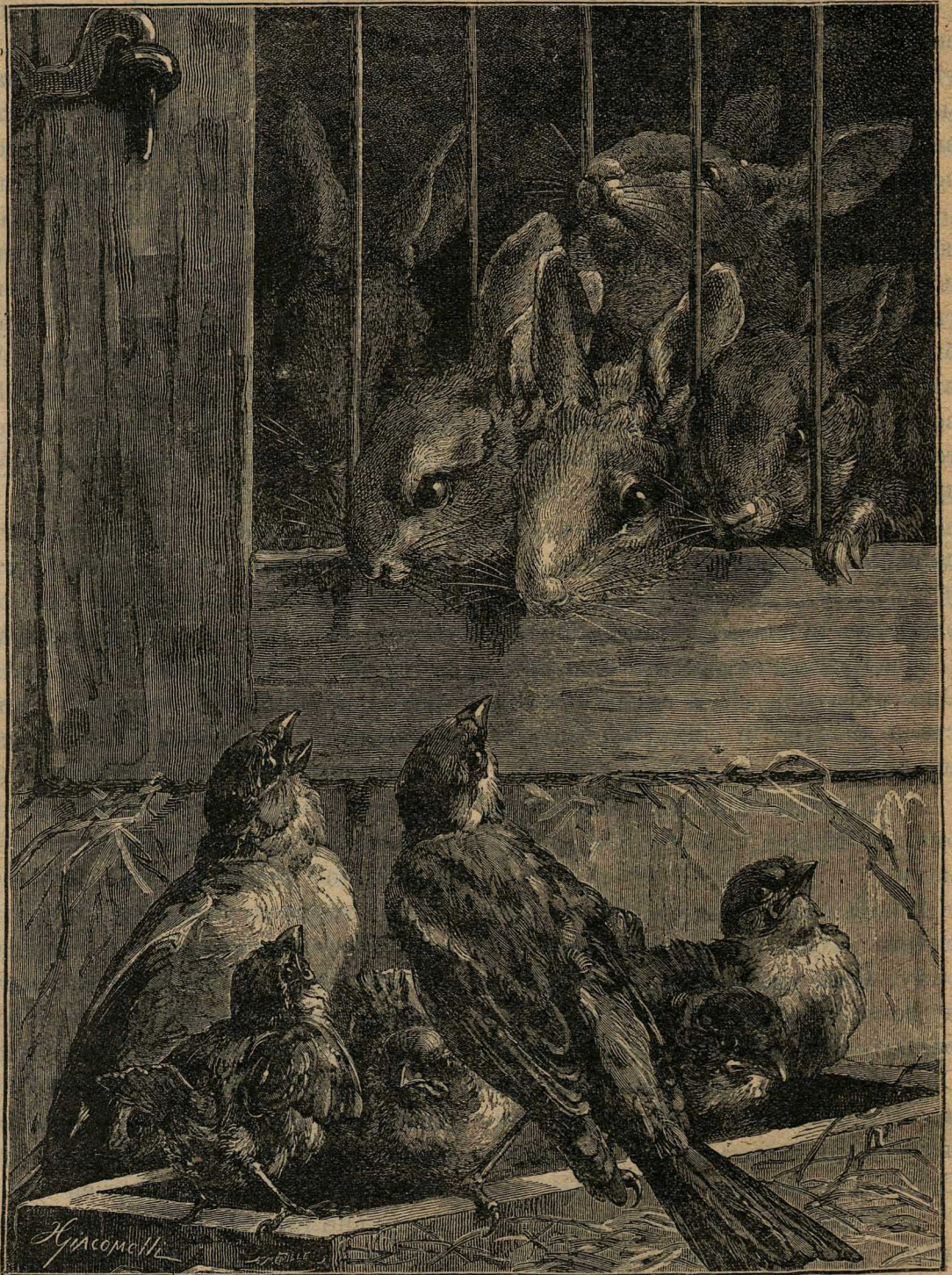
— Мерси, мерси!.. все еще шептала она, стараясь прижаться къ нему еще тѣснѣе.

Онъ обнялъ ее и въ свою очередь крѣпко прижалъ ее къ себѣ.

— Будь счастлива! сказалъ онъ. — Будь счастлива!

По этому „Будь счастлива“ она почувствовала вдругъ, что онъ такъ же одинокъ, какъ и она, что онъ тоже ждетъ отъ нея привѣта, и со свойственной дѣтямъ проницательностью догадалась, что онъ единственный близкій для нея человѣкъ. Она бросилась къ нему на шею и стала его цѣловать. А дѣти прыгали вокругъ нихъ каждый со своимъ подаркомъ и даже не обратили никакого вниманія на эту сцену.

Пріѣздъ дяди Вани составилъ для дѣтей цѣлое событіе: онъ былъ неутомимъ во всемъ, что могло доставить удовольствіе. Онъ затѣввалъ игры, устраивалъ далекія прогулки, онъ останавливалъ вниманіе дѣтей на красивыхъ видахъ, на великолѣпныхъ краскахъ захода солнца и рассказывалъ имъ интересные исторіи, въ которыхъ непременно рисовалъ на словахъ точно такую-же картину природы, какая развертывалась и передъ глазами дѣтей. Это помогало имъ вдумываться, вглядываться и запоминать то, что дѣйствительно было красиво въ природѣ. И они слушали его, широко раскрывъ глаза и стараясь не проронить ни одного его слова, а Маруся положительно глотала каждое его слово и ей казалось, что въ этомъ некрасивомъ, сутуломъ дядѣ Ванѣ она нашла что-то большее, чѣмъ простого дядю, что-то такое,

Знакомство.

У колыбели.

что должно было замѣнить ей отца. И ей хотѣлось всякій разъ сѣсть къ нему какъ можно поближе, такъ-же близко, какъ и другія дѣти, но у нея не хватало смѣлости протискаться къ нему въ ущербъ другимъ и она попрежнему держалась поодаль. Но она знала, что когда Иванъ Яковлевичъ рассказывалъ дѣтямъ свои исторіи, или же просто и задушевно разговаривалъ съ ними, то смотрѣлъ на нее больше, чѣмъ на другихъ, и смутно чувствовала, что нѣкоторыя исторіи онъ рассказывалъ именно для нея.

„Это онъ для меня“, думала она. — „Онъ знаетъ, что я такія исторіи люблю!“

Иванъ Яковлевичъ переночевалъ въ Бочановѣ только двѣ ночи и потомъ переѣхалъ на другую квартиру. Помѣщенія въ домѣ было достаточно, Антонина Яковлевна упрашивала его остаться у нея совсѣмъ, до конца лѣта, но онъ настоялъ на своемъ и поселился въ двухъ верстахъ отъ усадьбы, въ домикѣ давно уже заброшенной мельницы, въ которой не жилъ никто. Она стояла на высококомъ холмѣ, безъ крыльевъ, кирпичъ на ней мѣстами вывѣтрился и стекла въ

въ окнахъ были побиты. Но въ домикѣ было чистенько и уютно. Онъ состоялъ всего только изъ двухъ комнатокъ, въ которыхъ жилъ когда-то мельникъ съ семьей, и изъ оконъ этихъ комнатъ открывался изумительный по красотѣ видъ на окрестности. Въ нихъ-то, вдали отъ шумнаго свѣта и поселился дядя-Ваня.

Дядя-Ваня приходилъ въ Бочаново каждый день и весь отдавался въ распоряженіе ребячь. Онъ самъ былъ какъ большой ребенокъ, и дѣти относились къ нему, какъ къ равному себѣ, и уже скучали по немъ, едва только начинался день.

— Дядя-Ваня уже пришелъ? задавалъ кто-нибудь изъ дѣтей вопросъ еще раньше, чѣмъ поздороваться съ мамой и Евгеніей Александровной и выпить чашку молока.

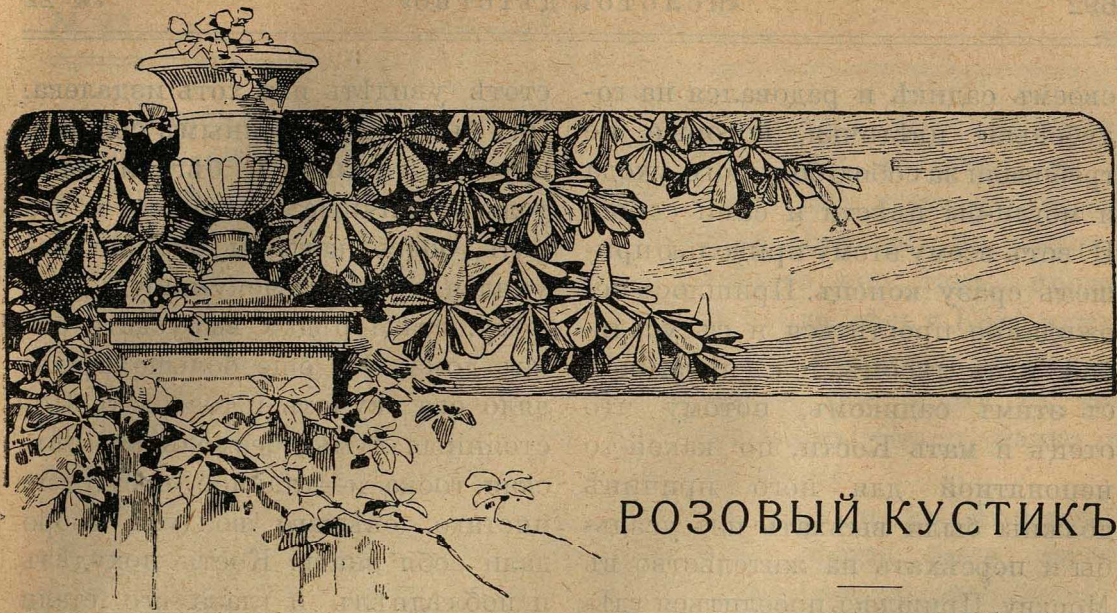
— Неужели-же онъ сегодня не придетъ? слышались восклицанія. Сегодня дождикъ и онъ, пожалуй, заболитъ его и не захочетъ придти. Мы всѣ умремъ отъ скуки, если дядя не явится черезъ часъ!

И съ рѣшительнымъ видомъ дѣти вскакивали на подоконники и начинали глядѣть на лѣсъ.

М. Б.—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РОЗОВЫЙ КУСТИКЪ.

Костя весело выбѣжалъ въ садикъ, но вдругъ остановился, какъ вкопанный. Веселость его мгновенно исчезла. Онъ широко раскрылъ и безъ того большіе глаза, губы у него задрожали и вдругъ слезы градомъ полились у него по щекамъ. У его ногъ валялся разбитый вдребезги цвѣточный горшокъ, была разсыпана земля и, обнаживъ корни, лежалъ уже увянувшій кустикъ розы, которую онъ такъ заботливо воспитывалъ.

— Что-же это? залепеталъ Костя. — Что-же это такое?

Этотъ розовый кустикъ имѣлъ свою исторію.

Костя родился и прожилъ свое дѣтство въ большой, привольной усадьбѣ, гдѣ его отецъ былъ садовникомъ. Его привезли въ городъ только годъ тому назадъ, но этотъ годъ показался мальчику цѣлымъ испытаніемъ. Тѣснота,

шумъ, вѣчно нависшій отъ фабрикъ дымъ, отсутствіе травы, лѣса и цвѣтовъ, которые онъ такъ любилъ, заставляли его тосковать. Онъ не могъ жить безъ деревенской природы, а къ его услугамъ былъ только одинъ чахлый палисадникъ, въ который дворники сбрасывали сметенную съ улицы пыль, а зимой валили глыбы снѣга, ломавшія и безъ того чахлые кусты подстриженной желтой акацїи. Когда Костѣ было всего еще только пять лѣтъ, то у него былъ свой собственный маленькій садикъ въ усадьбѣ и нужно было удивляться тому чисто не-дѣтскому терпѣнію, съ какимъ онъ выращивалъ въ немъ цвѣты. Въ то время когда его садовникъ-отецъ ходилъ съ серьезнымъ видомъ по хозяйскому саду и подстригалъ розы или-же высаживалъ въ клумбы какіе-нибудь диковинные цвѣты, Костя тоже ковырялся въ

своёмъ садикѣ и радовался на голубенькіе цвѣточки, которые не требовали за собою большого ухода и могли-бы цвѣсти и сами собой. И вотъ всему этому приволью пришелъ сразу конецъ. Пришлось неожиданно проститься и съ усадьбой, и съ лѣсомъ, и съ полями и съ этимъ садикомъ, потому что отецъ и мать Кости, по какой-то непонятной для него причинѣ должны были выѣхать изъ усадьбы и переѣхать на жительство въ Москву. Пришлось поселиться гдѣ-то почти на окраинѣ, гдѣ съ утра и до вечера гудѣли гудки фабрикъ и гдѣ было такъ грязно и неудобно и часто мимо дома проносили на кладбище покойниковъ. Въмѣсто красивенькаго, бѣленькаго домика въ усадьбѣ, который такъ и назывался тамъ „садовничьимъ“, наняли всего только одну тѣсную комнату. Костя съ перваго-же взгляда не полюбилъ Москву. Съ первыхъ-же дней она показалась ему чуждой и непривѣтливой, о садахъ-же и бульварахъ, гдѣ можно было-бы побѣгать, онъ не могъ и подозрѣвать, потому что его родители поселились отъ нихъ слишкомъ далеко. Привезенныя его отцомъ сбереженія скоро изсякли, потянулась бѣдность, стали плохо ѣсть и одѣваться, — и Костѣ все чаще и чаще стали приходиться на умъ усадьба и его садикъ, и онъ то и дѣло сталъ выглядывать въ окошко, надѣясь въ дѣтской про-

стотѣ увидѣть ихъ хоть издалека. Онъ былъ единственнымъ сыномъ, кругомъ ютились и бѣгали одни только уличные мальчишки и его мать, боясь, какъ-бы онъ не научился отъ нихъ чему-нибудь дурному, стала рѣдко выпускать его изъ дома. Это еще больше заставляло его скучать и тосковать. Постоянныя думы, безмолвная, дѣтская тоска и—главное отсутствіе чистаго, свѣжаго воздуха скоро дали себя знать: Костя похудѣлъ и поблѣднѣлъ и глаза его стали еще больше и грустнѣе. Это забеспокоило его отца и мать. Они трудились, не покладая рукъ, и старались сдѣлать для своего сына все, что могли. Но у нихъ плохо это выходило. Цѣлые дни отца не было дома—онъ ходилъ работать поденно, а мать съ утра и до вечера должна была шить что-то для сосѣдней лавки. Обоимъ некогда было заняться съ Костей. Только иногда мать откладывала въ сторону шитье, брала мальчика за руку и шла съ нимъ гулять въ сосѣдній монастырь. Они входили въ его ворота, мать садилась на одну изъ могилокъ, а Костя бѣгалъ между памятниковъ и крестовъ. Это и было все, чѣмъ она могла его развлечь.

Однажды, когда они возвратились съ прогулки домой и стали подниматься къ себѣ наверхъ, Костя робко взялъ мать за руку и прижался къ ней щекой.

— Мамочка, мнѣ такъ скучно одному!.. сказалъ онъ со слезами въ голосъ.— Здѣсь есть мальчикъ Вася, — онъ такой-же большой, какъ и я.. Позволь мнѣ остаться здѣсь и поиграть съ нимъ! Видишь, онъ стоитъ тамъ внизу?

Мать обернулась назадъ. Внизу на площадкѣ, стоялъ какой-то оборванный, грязный мальчуганъ, дѣлавшій руками знаки Костѣ. Онъ ей вовсе не понравился. Она скрѣпила сердце и отказала.

— Нѣтъ, Котя, сказала она.— Не надо!.. Богъ съ нимъ! Вотъ подожди еще немного, папа получитъ мѣсто куда-нибудь въ имѣніе, и мы опять переѣдемъ жить въ деревню! Теперь ужъ скоро!

Мальчикъ вздохнулъ, ничего не отвѣтилъ и еще долго простоялъ у окошка и молча смотрѣлъ на улицу. Матери стало его жаль.

Поздно вечеромъ, когда мальчикъ уже спалъ, возвратился съ работы отецъ.

— Какъ ты думаешь Иванъ Кузьмичъ? обратилась она къ нему, — Котя жалуется, что ему скучно, и проситъ, чтобы я позволила ему играть здѣсь съ какимъ-то мальчишкой Васей. Можно ему позволить?

Отецъ подумалъ.

— Нѣтъ, Наталья Петровна, отвѣтилъ онъ, — лучше подождать! Ну, что здѣсь за ребята! Испорчены всѣ до одного, а онъ мальчикъ нѣжный и воспитанный, какъ

господское дитѣ. Долго ли до грѣха? Научится ругаться, то да сѣ.. Нѣтъ, ужъ лучше подождать!

Наталья Петровна вздохнула.

— Такъ-то оно такъ, продолжала она,— да вѣдь и Котѣ нужны сверстники. Посмотри, какъ онъ поблѣднѣлъ! Все одинъ въ комнатѣ, да одинъ! Стало жалко на него смотрѣть!

— Но вѣдь и въ Лыкошкахъ онъ тоже всегда былъ одинъ! Нѣтъ, жена, ужъ подожди немного! Не вѣкъ-же мы будемъ здѣсь вѣковать. Ужъ сжалятся-же надъ нами когда-нибудь Господь и пошлетъ-же наконецъ мнѣ мѣсто гдѣ-нибудь въ помѣщичьей усадьбѣ! А насчетъ товарищей ты повремени: всѣ свои восемь лѣтъ Костя прожилъ въ Лыкошинѣ безъ товарищей!

— Но вѣдь тамъ ихъ замѣняли ему цвѣты! возразила Наталья Петровна. У него тамъ былъ свой собственный садикъ!

Садовникъ подумалъ.

— Цвѣты.. проговорилъ онъ.— Да, дѣйствительно, тамъ у него были цвѣты.

И, точно вдругъ сдѣлавъ открытіе, онъ продолжалъ:—

— А почему-бы не завести для него цвѣтовъ и здѣсь?

— Да гдѣ ихъ здѣсь сажать-то? спросила Наталья Петровна.

Отецъ опять подумалъ и не отвѣтилъ уже ничего. Затѣмъ они поужинали и улеглись спать.

Утромъ, уходя на работу, Иванъ Кузьмичъ сказалъ:—

— Сегодня у нашего Котъки будетъ цвѣтокъ!

Въ этотъ день онъ началъ работу раньше обыкновеннаго, работалъ за двоихъ и вернулся домой съ розовымъ кустомъ. Онъ весь былъ осыпанъ нѣжными, розовыми цвѣтами и на немъ была еще масса нераспустившихся и еще только что начавшихъ обогнаться бутонъ. Это былъ какой-то рѣдкій сортъ розы и, чтобы его купить, бѣдному садовнику и его женѣ пришлось четыре дня подрядъ отказать себѣ въ обѣдѣ. Но это ихъ не смутило. Любовь къ сынишкѣ побѣдила въ нихъ заботу о самихъ себѣ и, довольные и счастливые, они оба на цыпочкахъ подошли къ своему ненаглядному Костѣ, который въ это время спалъ, и торжественно поставили этотъ цвѣтокъ на табуретку около его кровати. Проснувшись, мальчикъ долженъ былъ почувствовать его запахъ и догадаться, въ чемъ дѣло.

Трудно описать радость Кости, когда онъ проснулся и вдругъ увидѣлъ передъ собой цвѣтокъ. Онъ вскочилъ, протеръ себѣ глаза, чтобы убѣдиться, что это была дѣйствительность, а не сонъ, поглядѣлъ на мать, потомъ на кустъ, а потомъ взвизнулъ и не зналъ, плакать-ли ему отъ радости или смѣяться, бросился къ матери на

шею. Цѣлые дни и даже недѣли онъ провозился затѣмъ съ этимъ розовымъ кустомъ. Онъ ухаживалъ за нимъ, поливалъ, поправлялъ на немъ листики и разговаривалъ съ его цвѣтами. Онъ выносилъ его на солнце, затѣнялъ его отъ жары, то давалъ ему больше воздуха, то защищалъ его отъ сквозного вѣтра въ комнатѣ. Глядя на него, отецъ и мать такъ и порѣшили, что не истратили денегъ даромъ и что лучшей игрушки для Кости они не могли-бы и придумать.

— Я вѣдь говорилъ тебѣ, что цвѣтокъ замѣнитъ ему друзей! съ самодовольствомъ говорилъ Иванъ Кузьмичъ.

— Ну, и слава Богу! отвѣтила Наталья Петровна.

Однажды Костя долго осматривалъ свой розовый кустикъ, о чемъ-то вспомнилъ и затѣмъ подбѣжалъ къ своей матери.

— Вѣдь, кажется, мамочка, скоро будетъ день твоего ангела? спросилъ онъ.—

— Да отвѣтила Наталья Петровна,— послѣ завтра; 26-го августа!

Она улыбнулась и поцѣловала его. Ей было пріятно, что онъ объ этомъ вспомнилъ.

— А что-бы ты хотѣла получить въ подарокъ?—спросилъ онъ.

— До подарковъ-ли теперь отвѣтила она.— Дай Богъ сытымъ быть, а гдѣ ужъ тутъ ожидать подарковъ!

— Но вѣдь ты хотѣла-бы получить подарокъ?

Она не отвѣтила, но по этому молчанію онъ попялъ, что ей было бы пріятно получить хоть что-нибудь. Онъ уже больше не задавалъ ей вопросовъ, а подошелъ къ своему розовому кустику, легъ передъ нимъ на животъ, подперъ подбородокъ кулачками и долго смотрѣлъ на своего безмолвнаго пріятеля. На немъ были три бутона, которые по расчетамъ мальчика должны были расцвѣсти какъ разъ къ именинамъ мамы. Это приводило его въ восторгъ. Послѣ завтра онъ встанетъ рано, чуть свѣтъ, срѣжетъ съ куста эти три розы и поставитъ ихъ около мамы въ стаканъ съ водой. Она проснется, увидитъ ихъ и будетъ довольна. Она пойметъ, что это — подарокъ отъ него. Но до тѣхъ поръ онъ будетъ молчать. Онъ постарается сохранить все въ глубокой—глубокой тайнѣ. Его мама не узнаетъ объ ожидающемъ ее подаркѣ до самаго того момента, пока не увидитъ его сама.

И Костя пугливо поглядѣлъ въ сторону мамы.

„Какъ-бы она не догадалась о подаркѣ по моему лицу!..“ подумалъ онъ.

Весь слѣдующій день онъ провель въ ревнивомъ ухаживаніи за своимъ кустикомъ. Три бутона распустились уже до половины. Завтра они будутъ уже въ пол-

номъ цвѣту, если ихъ выставить на воздухъ. Но куда ихъ выставить?

Онъ долго думалъ надъ этимъ и наконецъ собрался съ духомъ, рѣшился и выставилъ свой кустикъ въ палисадникъ.

„Интересно, что подумаетъ мама о моемъ подаркѣ?“ мечталъ онъ.— „Она проснется завтра, а около нея—цвѣты“

И все время онъ ходилъ взадъ и впередъ, стараясь представить себѣ ея радость и удивленіе, и день казался ему безконечно длиннымъ. Съ вечера, накануне именинъ, онъ долго не могъ отъ волненія заснуть. Всю ночь онъ боялся проспать и то и дѣло просыпался и поглядывалъ на окошко, выходившее въ палисадникъ, только для того, чтобы убѣдиться, цвѣль-ли его цвѣтокъ. Къ утру къ нему подошелъ отецъ, разбудилъ его, взялъ его на руки и перенесъ его въ коридорчикъ.

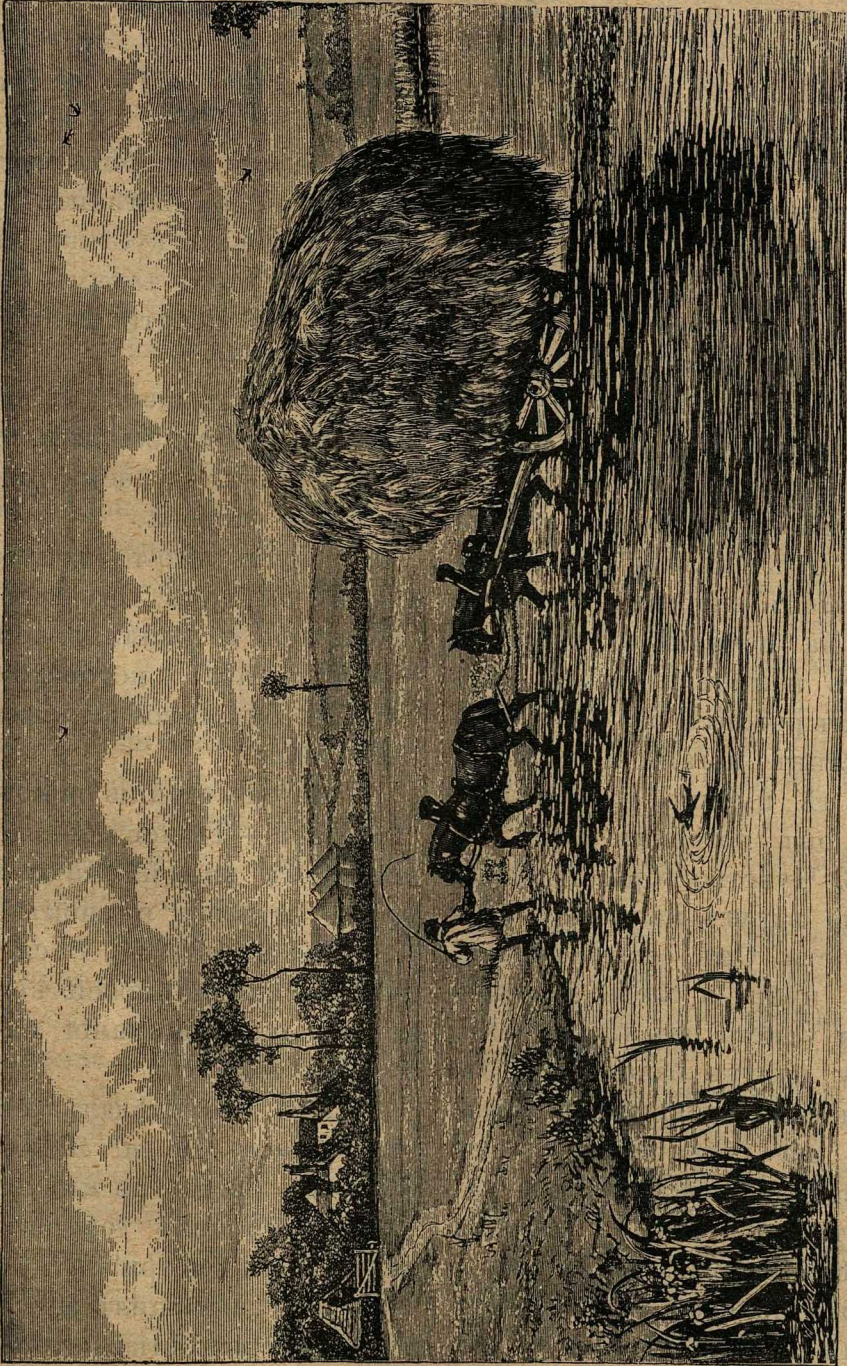
— Мама заболѣла... сказалъ онъ.— Всю ночь она не могла заснуть и только сейчасъ забылась... Лягъ, милый мой, тутъ... А то ты рано поднимешься и побезпокоишь ее! Сейчасъ я принесу твою постельку и устрою тебя... Еще рано, постарайся уснуть еще!

— Но вѣдь сегодня маминны именины! возразилъ Костя.— Почему же она больна?

— Развѣ нельзя захворать въ свои именины?

Водопадъ.

Въ бродъ.

Было уже свѣтло. Только что вошло солнце и слышно было, какъ подъ крышей ворковали голуби и звонили въ монастырѣ.

— Папа, позволь мнѣ встать! попросилъ мальчикъ. — Мнѣ нужно что-то сдѣлать для мамы! Можно одѣться сейчасъ?

Отецъ молча подалъ ему одежду, возвратился къ мамѣ и заперъ за собою дверь. Костя быстро одѣлся и выбѣжалъ въ палисадникъ. Онъ направился прямо къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ вчера кустикъ. Его тамъ не оказалось. Сердце у него забилося. Онъ сдѣлалъ еще пять-шесть шаговъ впередъ—и вдругъ набрелъ на печальную картину: его другъ лежалъ на землѣ, горшокъ былъ разбитъ, кто-то растопгалъ кустикъ ногами и сорвалъ съ него тѣ именно три цвѣтка, которые онъ готовилъ мамѣ въ подарокъ. Чувство горькой обиды наполнило вдругъ маленькое сердечко Кости. Онъ сжалъ кулаки, стиснулъ зубы, и слезы градомъ брызнули у него изъ глазъ. Ахъ, какъ ему вдругъ захотѣлось затопать ногами, закричать, пожаловаться на свою обиду всему свѣту, взывать къ истинѣ, къ справедливости, роптать на людей!.. Онъ хотѣлъ разрыдаться, но вспомнилъ, что больная мама можетъ его услышать, и подавилъ въ себѣ рыданія. Онъ только подошелъ къ дому, сталъ къ стѣнѣ лицомъ и по его вздрагивавшимъ плечамъ

можно было догадаться, что онъ тихонько плакалъ.

— Ну, за что это? За что? шепталъ онъ. — Что я имъ сдѣлалъ?

Что теперь подарить мамѣ? Что можетъ теперь замѣнить для него этотъ розовый кустикъ, который былъ для него такимъ близкимъ другомъ? Возвратится-ли онъ къ жизни опять?

И онъ подошелъ къ кустику, поднялъ его съ земли и, ставъ на колѣнки, сталъ разсматривать его со всѣхъ сторонъ.

И вдругъ кто-то испугалъ его своимъ смѣхомъ. Онъ вздрогнулъ, обернулся и увидѣлъ передъ собою мальчика, у котораго было на лицѣ насмѣшливое выраженіе. Это былъ Вася.

— Чего смотришь на него? спросилъ Вася. — Ты поцѣлуйся съ нимъ, вѣдь онъ живой! Ха-ха-ха! Поцѣлуй кстати и горшокъ!

— Ты не знаешь, Вася, кто это сдѣлалъ? наивно спросилъ его Костя, не обращая вниманія на его задорный тонъ.

— Кто это сдѣлалъ? переспросилъ Вася. — Да я! Я хотѣлъ сорвать съ куста три цвѣтка, да нечаянно уронилъ горшокъ и разбилъ! Вотъ смотри!

И онъ вытащилъ изъ кармана тѣ самые три цвѣтка, которые Костя готовилъ мамѣ въ подарокъ. Они были полу-общинаны и помяты. На нихъ было жалко смотреть.

Костя не выдержалъ и разрыдался во весь голосъ.

— У, рѣва! крикнулъ на него Вася.—Реветь, точно быкъ!..

И, почувствовавъ вдругъ угрызеніе совѣсти, онъ швырнулъ эти три цвѣтка прямо Васѣ въ лицо.

— На жадина, подавись! сказалъ онъ и со всѣхъ ногъ бросился къ дому и побѣжалъ по лѣстницѣ наверхъ.—Баба!

Костя остался одинъ. Все его желаніе не быть „бабой“ и рѣшимость не беспокоить маму оставили его при видѣ этихъ изувѣченныхъ розъ. Онъ расплакался еще больше и теперь уже безъ удержу, и слезы такъ и лились потоками у него по щекамъ. А затѣмъ въ отчаяніи онъ упалъ грудью на землю, подобралъ подъ себя черепки, прижалъ къ себѣ деревцо и затихъ. Въ такомъ видѣ, полчаса спустя, засталъ его въ палисадникѣ отецъ.

— Что съ тобой? спросилъ онъ и съ безпокойствомъ потрогалъ его за плечо.

— Папочка... Папа... залепеталъ мальчикъ.—Теперь все кончено... Все пропало!..

Отецъ увидалъ черепки и изувѣченный кустикъ, поднялъ мальчика съ земли и сталъ его утѣшать. Онъ погладилъ его по головѣ, отеръ ему слезы, а затѣмъ взялъ его на руки и долго ходилъ съ нимъ взадъ и впередъ по палисаднику.

— Полно, Костя!.. говорилъ онъ

ласково.—Успокойся!.. Ты у меня хорошій!.. Не надо плакать...

И Костя успокоился. Но отецъ еще долго держалъ его на рукахъ, долго ходилъ съ нимъ по палисаднику и говорилъ:—

— Ненадо, сыночекъ... Не плачь... Ты у меня славный, хорошій!.. Ну, что-же дѣлать, если ты былъ такъ неостороженъ, что разбилъ горшокъ! Не надо было его переносить съ мѣста на мѣсто! Вѣдь онъ былъ для тебя тяжелъ!

Въ душѣ у мальчика вдругъ что-то шевельнулось. Онъ вспомнилъ Васю, его смѣхъ, его издѣвательство надъ цвѣткомъ и ему вдругъ сильно, безумно захотѣлось пожаловаться на него отцу и попросить его наказать обидчика какъ можно строже и больнѣе. И, бросившись къ отцу на шею, онъ прижался къ нему и снова сталъ плакать.

— Это не я... Это вовсе не я!.. лепеталъ онъ.—Это все онъ, онъ! Этотъ гадкій мальчишка Вася! Его надо наказать!

Отецъ спустилъ Костю на землю.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ,—его вовсе не нужно наказывать. Онъ вовсе не виноватъ.

— Какъ не виноватъ? въ удивленіи спросилъ Костя.

— Я не спалъ всю ночь и все утро, продолжалъ Иванъ Кузьмичъ,—была нездорова мама,—и я видѣлъ въ окошко все. Вася не виноватъ!..

— Но почему-же? Почему?

— Потому что у него нѣтъ матери, какъ у тебя. Онъ сирота, всю свою жизнь проводитъ среди грубыхъ людей, для которыхъ онъ чужой,—и его некому было научить, что худо и что хорошо. Развѣ ты не чувствуешь по себѣ, что ласка мамы согрѣваетъ, что дѣтямъ только тогда и бываетъ хорошо, когда около нихъ находится ихъ мать?

Костя смотрѣлъ на отца большими глазами.

— Вотъ онъ, этотъ самый Вася, продолжалъ Иванъ Кузьмичъ,—почти ровесникъ тебѣ, а ты посмотри, въ какой обстановкѣ онъ живетъ! Грязь, нехорошіе разговоры, вѣчные препреки, что много съѣлъ, и побои отъ всѣхъ. Знаетъ-ли онъ хоть что-нибудь о Богѣ? Научилъ-ли его хоть кто-нибудь молиться? Несчастныя тѣ дѣти, у которыхъ нѣтъ матери! Вотъ ты плачешь; ты хочешь, чтобы я его наказалъ; наказать-то легко! Взялъ да и выдралъ его за уши! А кто-же его пожалѣетъ? Кто научить его молиться? Кто объяснить ему, что худо и что хорошо? Ахъ, бѣда, бѣда безъ матери! А вѣдь и онъ—тоже человѣкъ! Изъ него тоже вырастетъ большой!

Костя сдѣлалъ движеніе, и отецъ спустилъ его на землю. Оба молча постояли нѣкоторое время среди палисадника и затѣмъ пошли до-

мой. Мама уже проснулась, ей не спалось. Болѣзнь уже миновала и она только лежала въ постели и отдыхала. Завидѣвъ Костю, она протянула къ нему руки. Онъ бросился къ ней и сталъ ее поздравлять съ ангеломъ. Она вспомнила, что онъ третьяго дня спрашивалъ ее, хочетъ-ли она получить подарокъ, и посмотрѣла на его руки, но онѣ были пусты.

— А гдѣ-же подарокъ? спросила она шутя.

Онъ сконфузился, а потомъ весь просіялъ и бросился опрометью изъ комнаты.

— Сейчасъ!.. сказалъ онъ и исчезъ.

Двѣ минуты спустя, онъ возвратился уже обратно. Онъ вошелъ въ комнату не одинъ. Онъ тащилъ за руку Васю, который упирался и не хотѣлъ идти.

— Да иди-же! крикнулъ на него Костя.—Тебя здѣсь не съѣдятъ!

Они оба подошли къ кровати.

— Мамочка! весело воскликнулъ Костя.—Вотъ мой подарокъ!

— Какой? Гдѣ? спросила мать.

— Вотъ этотъ самый Вася! У него нѣтъ мамы, его некому пожалѣть и научить его, что худо и что хорошо! Возьми его себѣ и пусть у тебя теперь будетъ два сына, а не одинъ!

Отецъ и мать переглянулись. Въ первую минуту они не знали, что отвѣтить, но предложеніе Кости было такъ искренно и неожидан-

Въ саду.

шій такого поворота въ своей судьбѣ Вася смотрѣлъ на нихъ такими глазами, что они не нашли въ себѣ силъ сразу отказать, и уклончиво отвѣтили:—

— Мы подумаемъ... сказалъ отецъ.

— Идите, побѣгайте вмѣстѣ, а мы съ папой поговоримъ! прибавила мать.

Костя и Вася взялись несмѣло за руки и вышли изъ комнаты.

Послѣ всего, что произошло въ палисадникѣ и послѣ того, что говорилъ тамъ Костѣ отецъ, теперь было ясно и для Ивана Кузьмича и для его жены, что поворота назадъ не существовало и что этотъ

вопросъ долженъ былъ быть рѣшенъ именно такъ, какъ рѣшилъ его ихъ маленькій сыночекъ.

И не долго думая, а понявъ другъ друга съ первыхъ же словъ, оба они перекрестились и глубоко вздохнули.

— Да будетъ на все воля Господня! набожно сказалъ Иванъ Кузьмичъ.

— Хватаетъ на одного, отвѣтила Наталья Петровна,—хватить и на двоихъ! Пусть этотъ самый сиротка—Вася будетъ моимъ подаркомъ на именины!

И оба стали поджидать возвращенія дѣтей домой.

Гальмаръ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Шарада. Первая часть задуманнаго слова — принадлежность ступки, вторая — часть полка. Цѣлое часто бываетъ неприятно для зрѣнія и особенно въ матеріяхъ. Какое слово задумано?

II.

Шутка. Что находится посреди Кіева?

III.

Была ужасная грязь; лошадь едва тащила; изъ топкаго нельзя было выѣхать; пришлось ночевать среди него до самаго ранняго

На мѣстахъ точекъ поставить пропущенныя слова, взять отъ этихъ словъ послѣдніе слоги и составить изъ нихъ новое слово, которое означаетъ названіе музыкальнаго инструмента.

Какія слова пропущены и какое это новое слово?

IV.

Почему во время дождя обязательно по небу ползутъ тучи?

V.

Задуманное слово состоитъ изъ восьми буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. Буквы 5. 8. 1. 5. 8 означаютъ головной уборъ, 5. 8. 3. 4. 2. 8 — экипажъ, 6. 7. 4. 3. 6 — большое вмѣстилище воды на землѣ, 3. 8. 5. 4. 2. 8 — фейерверкъ, 1. 6. 3. 6. 5. 8 — птицу, 2. 3. 4. 1. 5. 8 — сѣверную рыбу, 1. 5. 8. 7. 5. 8 — то, что мы любимъ въ дѣтскомъ возрастѣ, 2. 4. 3. 5. 8 — предметъ, необходимый въ кухнѣ.

Отгадать всѣ эти слова и задуманное слово, которое означаетъ названіе насѣкомаго. Какое это насѣкомое?

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 20, помѣщенныхъ въ № 20 «Золотого Дѣтства».

Головоломки: I, Законъ, книга, сказка, заноза, ананасъ, каска, икона, окно, осока, нога, носки. = Загоскинъ. II., Осока, долото, бумага = Сонома. III., Крыса, бѣльмо, товаръ = самоваръ. IV., Отъ земли. По азбукѣ. На другую половину его-же. V., Поводъ, доска, тетеревъ, роза, окорокъ, дрова, театръ, товаръ, корова, сорока, водовозъ, перевозъ. = Петрозаводскъ. VI., Изъ четырехъ буквъ: д+ѣ+п+ъ.

Ребус № 20: Дѣв+очки+бр+ели+б+осы+ми+нога+ми+п+осы+ром+ул+ужь+ку. = Дѣвочки брели босыми ногами по сырому лужку.

Вѣрные рѣшенія прислали: Нина Григорьева, Валя и Зина Петровы, К. Кедровъ, А. А. Захаровъ, Л. Аппакъ, Сережа и Маня Гавриловы, К. Дергачевъ, кто-то безъ подписи, Л., Н. и Ф. Думпфъ, К. и В. Воронковъ, К. и В. Клочковы, С., К. и М. изъ Иркутска, Ю. Стратоновичъ,

А. Смирновъ, Д. Мордухай-Болтовской, Т. Каледина, Д. Аппакъ, Л. Коровкина, Турченко, А. Поляковъ, Н. Григорьева, Б. Михалевъ, З. Сурова, С. Долговъ, Жанъ-Мари и Каэтъ Галопень, Г. Каульбарсъ, Н. Мырская, А., К. и Т. Малыхъ, С. Озолинъ, Н. и К. Адриановы, М. Атаевская, В. Вилгова, Л. Шиллянская, В., Г. и Д. Васильковы, В. и К. Метопидзе, В. Пастуховъ, Л. и Г. Растеряевы, О. Ильина, Г. Гусевъ, Соня и Рита М., Г. Ваганасъ, П. Стригина, М. Бобровская, Р. Шолянскій, М. Пофдавшевъ, В. Френкель, Ж. Трегубенковъ, Б. Судзиловскій, Р. и Р. Тонконогія, А., О. и Л. Бетцъ, В. Бородина, Л. Ильинъ, Т. Титова, В. и Л. Петропольскія, В. Лопатинъ, Г. Бермайтъ, В. Удальцовъ, Н. Семенова, Н. Пылаева, В. Ивановъ, Ксения, Полина и Варя изъ Калуги. Т. и И. Евстратовы, Т. Панафутина, Н. Цертели, Я. Музольфъ, З. Свиридова, Н. Баграціонъ-Мухранская, С. Поповъ, З. и В. Петровы, А. Русисъ.

Ребусъ № 22.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны).

Редакція журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

РЕКОМЕНДУЕТЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ
ДЛЯ ДѢТЕЙ:

- „НАЙДЕНЫШЪ и ПОДКИДЫШЪ“ • Повѣсть съ иллюстраціями.
• Цѣна 40 к. съ перес. 60 к.
- „АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“ • Съ иллюстраціями.
• Цѣна 40 к., съ перес. 60 к.
- „ДРУЖОКЪ и ӨОМКА“ • Повѣсть съ иллюстраціями.
• Цѣна 40 к. съ перес. 60 коп.

За всѣ три книги вмѣстѣ — 1 руб. 60 коп. съ пересылкой.

Выписывать можно **открытымъ письмомъ** изъ Редакціи
журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

Петроградъ, Каменноостровскій пр., 26.

Годъ восьмой.

художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 12** КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.
- 12** ИГРЪ для дѣтей.
- 24** ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (домики, автоматы, мебель, экипажи и проч. и проч.),

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

„ВЪ НЕВОЛѢ“.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к.

Адресъ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство»: Петроградъ, Каменноостровский проспектъ, 26.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

За перемѣну адреса 28 копѣекъ почтовыми марками.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ:
«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО»

за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 руб. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказѣ по 45 коп. за экземпляръ въ переплетѣ и безъ переплета).

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ
ИЗЪ РЕДАКЦІИ «ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО».

Петроградъ, Каменноостровский просп., 26.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПЕТРОГРАДА.

